

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Город зловещей

ТИШИНЫ

МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*
Иллюстрация на обложке *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Город зловещей тишины / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2023. — 256 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-186583-2

В одном из областных центров произошло ЧП — покончил жизнь самоубийством полицейский чиновник. Расследование происшествия поручено полковникам МВД Гурову и Крячко. Чтобы собрать наиболее объективную информацию, оперативники решают действовать порознь: Крячко — как официальный представитель, Гуров — как частное лицо. Тактика дает свои результаты. Удастся выяснить, что внешне спокойный город давно стал центром наркотрафика. Руководит потоками смертельного товара и подборкой надежных исполнителей верхушка местного УВД. Похоже, покойный чиновник чем-то не угодил мафии... Гуров понял, что напал на верный след, как только его группа подверглась смертельной опасности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186583-2

© Макеев А.В., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

Каждый раз к концу рабочего дня, если уж так получалось, что срочных выездов не было, полковник полиции Лев Иванович Гуров ощущал самую настоящую человеческую усталость. Тяжелую, с эхом внутри головы и, пожалуй, даже с некоторым грузом чувства вины перед теми, кто провел день не как он, а с пользой. Таких дней у Гурова за все время работы в полиции накопилось, дай бог, с месяц-полтора. Не больше. Но привыкнуть к тому, что руки, ноги и мозг вынуждены работать на минимуме, он так и не смог. Ничто и никто не смогли бы убедить Гурова в том, что и в его родном кабинете тоже существует жизнь, только в виде печатных листов, толстых картонных папок с лохматыми уголками и тонны компьютерных файлов, а протирание штанов в течение суток или двух выглядит вовсе

не бессмысленно, потому что активность всегда сменяет покой и наоборот. Таков жизненный цикл, такова природа бытия, и с этим ничего не поделаешь. Иными словами, все эти передышки Гуров редко переживал с удовольствием, стараясь побыстрее закончить с документами и вырваться на свободу. В самом начале своей работы в уголовном розыске он даже пытался бунтовать, но, дважды наткнувшись на тяжелый взгляд своего начальника Петра Николаевича Орлова, перестал и думать о том, чтобы просить отправить его по одному из вызовов, в огромном количестве поступавших в дежурную часть ГУВД, — уж больно неважно чувствовала себя после таких просьб Льва Ивановича душа.

— И не проси, — предупреждал Орлов, зайдя на порог своего кабинета бледную тень с лицом Гурова. — Ты с текучкой закончил? Нет? А Крячко? Нет? Так чего вы от меня хотите? Набегаешься еще, а пока что сиди и оформляй документацию. Это тоже, знаешь, важно.

По молодости лет Гуров легко мог не спать ночами, жить на паре бутербродов

в день и работать на износ, абсолютно без каких-либо для себя последствий. Но со временем ему пришлось притормозить и поумнеть, экономя силы и не разбрасываясь по мелочам. Правда, возню с бумагами он так и не полюбил.

Вот и сегодня, во вторник, почти в середине трудовой недели, когда делать было совершенно нечего, потому что они со Стасом только что благополучно отчитались перед генерал-майором Орловым, а новых преступлений по их душу пока что не нашлось, Гуров откровенно скучал под мерный шелест бумажных документов. Чая за день было выпито немало, новостная лента, просматриваемая во время перерыва, пестрела всякой ерундой, и даже курить не хотелось.

— Ужас, — поднял Гуров взгляд на Стаса. — И как только наша канцелярия живет во всем этом?

— Первый раз, что ли? — отозвался Стас.

— Да вот уже лет двадцать не могу привыкнуть к этой макулатуре.

— Спроси у Верочки, — посоветовал ему Стас. — Она тебе расскажет в подроб-

ностях все секреты канцелярского закулисья.

Секретарь Верочка который год обитала в предбаннике, откуда можно было попасть в кабинет к генерал-майору Орлову, давно уже являлась его неофициальным адъютантом, а еще негласным членом команды своего шефа, в которую, кроме нее, входили Крячко и Гуров. Именно Верочка «подносила патроны», когда сыщикам кровь из носа требовалось что-то важное и моментально: то им нужно было узнать о кадровой движухе в родной прокуратуре, то пробить индекс по месту жительства подозреваемого, то без запроса проникнуть в архив, чтобы поднять пыль с поверхностей толстых картонных папок, скрывающих под своими бежевыми обложками очень много удивительного компромата. Верочка всегда имела под рукой что-то, что приходилось кстати, будь то быстрый перекус, обезболивающее или зарядка для мобильного. Она поддерживала размер своих запасов ровно в том количестве, чтобы хватило на трех взрослых мужиков, включая ее начальника. Кофе, который она готовила в старенькой ко-

феварке, подаренной ей Орловым на день рождения лет шесть назад, всегда был отменным, в меру обжигающим и имел идеальную абсолютную для всех крепость, за что Гуров уважал Верочку еще больше. Ко всему она умела набирать на клавиатуре текст с пулеметной скоростью и никогда не теряла документы, даже те, о которых ей было велено забыть и уничтожить за ненужностью. Она хранила в памяти столько гигабайт информации, сколько Гуров не смог бы запомнить, даже если бы сильно постарался, но ведь этого от него и не требовалось, если рядом была Верочка.

— Мне кажется, Вера нашла свое место в этой жизни, — возразил Гуров. — Не находишь? Секретарями не становятся — ими рождаются.

— Не наоборот?

— Точно нет.

Стас поднял голову и осоловело посмотрел на Гурова. Перед ним на столе лежала растерзанная папка, заваленная протоколами допросов.

— Это тебе до утра сидеть, — поморщился Гуров.

— У меня все под контролем.

— А был бы труп, то не сидели бы здесь, — кивнул Гуров на гору бумажек.

— Накаркаешь, — предупредил Стас.

— Дай-то бог, — мечтательно произнес Гуров. — Мне еще и сегодня вечером мучение предстоит. Умерла Машина наставница. Старейшая актриса театра с кучей званий, при жизни очень красивая женщина. Прощание будет проходить в театре, где она служила. Я, как ты догадываешься, тоже должен засветиться.

— Вечером? — удивился Стас. — Так уже вечер. В это время суток уже после поминок под столом валяются. Почему так поздно?

— Это не поминки, а вечер памяти, — пояснил Гуров. — Банкет и фуршет, прямо на сцене, как пожелала покойная.

— А она точно этого хотела?

— Теперь не спросишь.

— Поминки в зрительном зале? Впервые о таком слышу, — усмехнулся Стас.

— Потом опишу ощущения.

Гуров взглянул на часы и прикинул, что даже если бы и хотел помочь Стасу закончить дела, то все равно не успел бы. До окончания рабочего дня оставалось двад-

цать минут, а до начала мероприятия в театре нужно было успеть заскочить домой, забрать жену и галопом нестись в театр.

— Закончил, — объявил Стас и вывалился из-за стола. — Люблю свою работу, но после таких дней я чувствую себя как отбивная.

— О том я и говорю, — Гуров закрыл папку и отодвинул ее на край стола.

— А как звали ту актрису? — спросил Стас.

— Екатерина Верховцева. Не пытайся вспомнить, поскольку она чаще блистала на театральной сцене, чем на экране. Но зато дружила с актрисой Целиковской и в одном интервью упоминала о своем тайном романе с маршалом Жуковым.

— Об этих слышал, — согласно кивнул Стас. — Но звучит так, словно ты сплетни собираешь.

— И не говори.

Может быть, Екатерина Верховцева действительно имела связи, о которых Гуров говорил Стасу, но сам он предпочитал иметь на руках твердые доказательства, а таковых у него не было. Все, что Маша

успела рассказать ему о наставнице, могло быть кем-то выдуманно, после чего разлетелось по закулисыю и со временем обрело статус самой настоящей правды. Но наличие большого количества людей уже в вестибюле заставило Гурова удостовериться в том, что покойницу уважали многие из медийных личностей и даже те, кто не имел отношения к искусству. У главного входа в здание театра то и дело останавливались дорогие авто, чтобы выпустить из своих кожаных салонов тех, кто пожелал помянуть усопшую. Автомобили двигались непрерывным потоком, и Гуров сначала попытался рассмотреть новые лица, но после бросил эту бесполезную затею, поскольку мало кого помнил по именам.

Они с Машей оставили свои пальто в раздевалке, и гардеробщик дядя Коля, узнав Гурова, даже пожал ему руку. Не так-то часто Маша приводила в театр мужа, но дядя Коля, как положено, запоминал каждого и причину, по которой тот появился.

— Давно не виделись, — улыбнулся он, протягивая Гурову номерок. — Не помните меня, наверное.

— Отчего же не помню? Очень даже помню, — ответил Гуров. — На премьерe в прошлом месяце, а до того пару раз просил вас вызвать по срочному делу супругу с репетиции. В последний раз вы были простужены и пили чай с коньяком из серой керамической кружки.

— Опаньки! Действительно помнит! — радостно воскликнул дядя Коля. — Только коньяк я тогда не пил. Или пил? Не помню.

Гуров поймал хитрый взгляд гардеробщика и рассмеялся.

— Ну хорошо. Может, с коньяком я ошибся.

— Ну и память! — не унимался дядя Коля. — У вас на Петровке все такие?

Гуров что-то не помнил, чтобы говорил дяде Коле о своей работе. Как-то не сложилось. Поэтому он вопросительно посмотрел на Машу.

— А? — очнулась та. — Да, Лева, это я рассказала о том, что ты у меня работаешь в полиции. Все равно все уже знают.

— Ну тогда все в порядке. А то я уж подумал, что покати́лась дурная слава...

Со стороны входных дверей послышались громкие голоса. Гуров машинально обернулся, даже не представляя того, что увидит. Между тем приглашенные стали неожиданно резво расходиться в разные стороны, открывая неприглядную картину: один мужик преградил дорогу другому, державшему в руках букет белых роз, и попытался выпихнуть его на улицу, а второй, напротив, рвался в вестибюль всем телом. При этом он старался не уронить цветы, которые ему очень мешали. Он был одет в черный костюм-тройку, выглядел немного старше и тяжелее своего противника, но дело было не в его хорошей спортивной форме, а, наоборот, в ее отсутствии. Лет ему было примерно пятьдесят, и как бы он ни старался занять более выгодную позицию в потасовке, у него ничего не получалось. Достоинство отвечать на направленные против него действия ему мешали цветы, а еще он старался сохранить невозмутимый внешний вид, что являлось большой ошибкой с его стороны. В общем, выглядел он довольно комично. Другому же участнику то ли драки, то ли прелюдии к ней было на вид лет тридцать

с небольшим, он и вел себя гораздо категоричнее. Ему удалось развернуть старшего лицом к выходу, а потом помочь ему покинуть здание, с силой толкнув в сторону дверей. При этом букет роз выпал из рук проигравшего, и по нему тотчас прошла пара дорогих кожаных ботинок победителя.

На несколько секунд толпа затихла, наблюдая за неожиданным представлением, но едва стало понятно, что концерт окончен, все снова оживились и вернулись к своим делам. Будто бы и не было ничего. Только несколько человек все еще наблюдали за тем, как исчезает в уличной темноте черная фигура. Гуров подумал, что за все время оба драчуна не произнесли ни слова, что показалось ему довольно странным.

Маша осмотрелась.

— Ну и куда он делся? Это же Андрюха Красников, а вот второго не могу узнать, впервые вижу, — с тревогой в голосе произнесла она, всматриваясь через окна на улицу.

— Кто из них Красников? — спросил Гуров.

— Красников вытолкнул другого, с розами.

— Значит, второго ты не знаешь?

— Нет. Пойдем отсюда, Лева. Если они устроили разборки в такой важный день, то им же хуже. А где охранники? Когда нужны, то никогда рядом нет. Дядя Коль, где охрана-то?

— Да я знать не знаю, — вытянул шею гардеробщик.

Гуров тоже не заметил поблизости никаких охранников. Маша быстрым шагом направилась в сторону лестницы, и он тут же поспешил следом.

— А номерок-то?.. — спохватился дядя Коля, но его уже никто не слышал. Тогда гардеробщик положил его под стол, к другим, про которые тоже кто-то не вспомнил вовремя.

Зрительный зал вопреки ожиданиям был не так уж и заполнен народом. Гуров удивленно обвел взглядом пространство, даже в сторону балкона посмотрел.

— А где все?

— Избранные наверняка собираются в кабинете художника, — пояснила Ма-

ша. — Наши спонсоры, которые приехали только за тем, чтобы посветить фейсами и заодно протолкнуть кого-то из своих наследников либо в театральные вузы или сразу на сцену. Ты не удивляйся, Лева, сейчас искусство хорошо продается.

— Я думал, что у вас все более-менее честно, — признался Гуров.

— Временами так и есть. Кстати, Екатерина Александровна, которую мы будем вспоминать и поминать, ненавидела все это. Взятки, nepoтизм и прочее. Мне она никогда не говорила, что я здесь не к месту, а ведь мы познакомились еще в те времена, когда я только-только пришла в труппу. Ее мнение много для меня значило.

— Ты действительно талантлива, — подтвердил Гуров и обнял Машу за плечи. — И все-таки не понимаю. Столько людей было у входа... Насколько у вашего худрука большой кабинет?

— Многие вообще заехали на пару минут да за компанию, пожать руку начальству, а не вспомнить покойницу добрым словом. Смотри-ка, розы...

Белого, желтоватого и розоватого оттенков цветы были повсюду. Они лежали вдоль края сцены, от стены до стены, они стояли в высоких золотых вазах, выстроенных вдоль центрального прохода между рядами. И вазы, и черные атласные ленты, обвивающие их длинные вытянутые изгибы, выглядели, скорее, торжественно, нежели печально. Верхний свет в зале был приглушен, зато сцена сияла со всех сторон. Любой, кто сюда приходил, сразу же обращал внимание на стоявший в ее центре длинный стол, заставленный бутылками и блюдами с закусками. Дальнюю часть сцены закрывал темно-серый занавес, напминавший проход в преисподнюю, если бы не портрет, закрепленный на самом верху. С него прямо в душу каждому смотрела интересная женщина лет шестидесяти с некогда идеальными чертами лица. Она, подобно Моне Лизе, с улыбкой смотрела на каждого входящего, из какого бы угла он ни появился.

Гуров следом за Машей двинулся к сцене. Кое-какие места в зале были уже заняты теми, кто прибыл раньше, и Маша здоровалась практически с каждым, раз-

давая кивки по обе стороны прохода. Гуров тоже изредка приветственно поднимал руку, поскольку в театре был не впервые и с некоторыми Машиными коллегами тоже уже был знаком.

— Иди одна, — остановил жену Гуров. — Я присяду куда-нибудь, на сцену подниматься не буду. Неудобно.

— Я понимаю. Возьму нам что-нибудь перекусить.

— Я ничего не хочу.

— А я буду. Послушай, Лева, — понизила голос Маша. — Ты тут из-за меня, мы оба это знаем. Но не будешь же ты сидеть с пустыми руками? Или будешь? Или уткнешься в телефон? На самом деле я пришла сюда именно для того, чтобы почтить память хорошего человека. Будь умничкой, возьми себя в руки и постарайся со-ответствовать. Ради меня.

— Да разве я отказываюсь? Я просто не хочу есть.

— Это после рабочего-то дня, когда ты дома сметаешь половину холодильника?

— Неправда.

Маша приподнялась на цыпочки, клюнула Гурова в щеку и заторопилась на

сцену. Там, возле стола, уже начали появляться ее коллеги, некоторые сразу же приступали к делу, наполняя тарелки и разливая спиртное по бокалам.

Гуров, помешкав, выбрал местечко, откуда его будет почти не видно. Пятый ряд, левая сторона, третье от главного прохода место. Остальные, кто расположился в зрительном зале, сидели на почтительном расстоянии. Гуров счел выбранную локацию очень удобной.

Он сел в кресло, машинально вынул из кармана телефон, пробежался по новостям. Не то чтобы он не мог жить без интернета, но в ожидании Маши нужно было убить время. Не найдя ничего значительного и убрав телефон, Гуров принялся рассматривать портрет на занавесе. Как там ее звали? Екатерина Александровна? Красивой была даже в преклонном возрасте. Машка у него тоже красивая. И талантливая, и это уже общепризнанный факт.

Маша живо общалась со своими знакомыми, изредка поглядывая в сторону мужа. Гуров пытался получше рассмотреть тех, кто к ней подходил, но лица этих